

Если въ пѣснѣ объ Азовѣ еще можно приписывать это тому, что эта былина пришла (ср. Гильфердинга, I, 58—59), то въ пѣснѣ о Казани (№ 160), пѣтой Касьяновымъ рядомъ съ былинной о Дюкѣ и Потыкѣ, мы опять отмѣтимъ наклонность къ созвучнымъ окончаніямъ стиховъ ¹⁾:

5. Казань горѡдъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Судой за рѣку бочки съ порохомъ катилъ.
.....
9. А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ.
.....
18. Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися
Призадумалися да припечалилися.
.....
21. Ты позволъ, государь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить.
.....
26. Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
.....
31. Подъ святѡй Русью непобѣдимую,
Непобѣдимую Богѡмъ любимую ²⁾.

Еще рѣшительнѣе это же стремленіе отмѣтимъ въ балагурныхъ пѣсняхъ, шуточныхъ старинкахъ, напр. въ пѣснѣ про „Большого быка“ (№ 297). Здѣсь запѣвъ ясно риѣмуется:

Да всѣ-то теперь разбѣжались,	Да, бояра, послушайте.
Да всѣ-то теперь роскучались,	Да мужички ты земскіе
И со того со двора со боярскаго	И старички деревенскіе,
Да съ того помѣстья государскаго:	Да ребяташки махотные
Да, князья, послушайте,	Да крестьянушки пахотные.
	

¹⁾ Касьяновъ грамотный, любитель церковныхъ книгъ (Гильфердингъ, II, 516). Однако это не отразилось въ сторону риѣмы въ его былинахъ. Ясно, что его грамотность здѣсь ни при чемъ. Вся пѣсня очень короткая—32 стиха.

²⁾ Число примѣровъ можно бы увеличить для „исторической пѣсни“ и еще: тѣ же, напр., особенности въ стилѣ и настроеніи найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣдующемъ времени кончая смертью Петра I, записанныхъ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Мордовцевой въ Саратовской губ. (см. „Лѣтописи“ Н. С. Тихонравова, IV (1862, отд. 2, стр. 27 и сл.).